

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2016
4 (30)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2016
4 (30)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2016
4 (30)
Moscow

ГИБРИДИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ И ОБЫДЕННЫХ ПОНЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОНИМАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ)¹

Ерофеева Елена Валентиновна

заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614090, Пермь, ул. Букирева 15
e-mail: elenerofee@gmail.com

Низгулов Тимур Сабирович

консультант отдела претензионно-исковой работы,
Департамент имущественных отношений администрации города Перми
614000, Пермь, ул. Сибирская, 14
e-mail: tnizgulov@mail.ru

В статье рассматривается проблема смешения семантических компонентов (сем) специальных и обыденных понятий в сознании носителей языка. Данная проблема изучается на материале психолингвистического эксперимента по наивному толкованию терминов русского и английского юридических языков соответственно русскими и англичанами в зависимости от таких социальных параметров информантов, как гендер, образование, специальность. Качественный и количественный анализ сем наивных толкований показывает, что в сознании носителей языка действительно происходит смешение семантических компонентов специальных и обыденных понятий. Данный процесс предлагается назвать гибридизацией понятий, а его результат – гибридным понятием. В статье показано, что структура гибридного понятия зависит от социальных параметров информантов, при этом наиболее важным признаком, влияющим на структуру гибридного понятия, является специальность.

Ключевые слова: юридический язык, специальное понятие, обыденное понятие, гибридизация понятий, гибридное понятие, семы, структура.

Введение

Любой язык представляет собой систему связанных между собой вариантов: социолингвистических, функциональных, тематических и пр. Определенный тип языкового варианта представляет собой специальный язык, т. е. язык, использующийся при общении специалистов в определенной области. Особенностью такого типа языков зачастую является то, что они совмещают в себе черты социальных раз-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00320 «Профессиональный компонент ментального лексикона».

новидностей языка и функциональных стилей. Так, например, юридический язык, используемый специалистами по юриспруденции в соответствующей сфере, является системой, имеющей общие черты и единицы, с одной стороны, с официально-деловым и научными стилями, с другой – с профессиональными жаргонами.

Однако функционирование юридического языка не ограничено собственно профессиональной средой, в определенных ситуациях он выходит за рамки своей социальной базы и используется не только специалистами. В повседневной жизни носители языка вынуждены пользоваться терминами юридического языка, что происходит практически во всех ситуациях, которые относятся к юридическому регулированию социальной жизни. Однако не всегда носители языка понимают такие термины во всем объеме специального понятия, употребляют их именно как термины. Неадекватное использование и понимание юридических терминов размывает границы юридических понятий: зачастую в структуру специального понятия в таком случае вносятся элементы наивных представлений, т. е. происходит взаимодействие специального (научного) и обыденного понятий, их смешение, в результате которого происходит образование гибридного понятия, совмещающего в себе черты специального и обыденного понятий. Изучению данного процесса и посвящено настоящее исследование.

Специальное и обыденное понятия

Разграничение специального (научного) и обыденного понятий напрямую связано с разграничением обыденной (наивной) и научной картин мира (см., например, [Карасик 2004: 89; Касевич 2004; Урысон 1998: 3]). Сам термин «картина мира» относится к числу тех, которые активно функционируют в различных областях науки: в философии (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, В.С. Степин и др.), психологии (А.Н. Леонтьев и др.), языкознании (А.А. Уфимцева, М.М. Маковский и др.), культурологии и литературоведении (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Г.Д. Гачев, Ю.М. Лотман) и т. д. При этом многие вопросы о сущности и структуре картины мира в науке остаются открытыми: различаются подходы к определению термина, предлагаются различные классификации картин мира.

В целом «картина мира» понимается как «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [Роль человеческого фактора в языке 1988: 21] или, уже, как «отображение в психике человека предметной окружающей действительности» [Леонтьев 1993: 18].

Неоднородность окружающего мира приводит к выводу о вариативности картины мира, необходимости вычленения разных составляющих из «общей» картины мира, которые связывались в первую очередь с индивидуальным и социальным обобщением опыта. Ср., например: «Можно наряду с индивидуальными вариантами говорить о системе инвариантных образов мира, точнее – абстрактных моделей, описывающих общие черты в видении мира различными людьми. Такой инвариантный образ мира непосредственно соотнесен со значениями и другими социально выработанными опорами, не с личностно-смысловыми образованиями как таковыми. С теоретической точки зрения, таких инвариантных образов мира может

быть сколько угодно – все зависит от социальной структуры социума, культурных и языковых различий в нем и т. д.» [Леонтьев 1997: 72]².

Современные исследователи выделяют различные варианты картин мира: «научную», «общенаучную», «частнонаучную», «естественнонаучную», «историческую», «физическую», «биологическую» и т. п. [Корнилов, 2002: электрон. ресурс], однако самым общим и наиболее признанным является разграничение «научной» и «наивной» картин мира [Карасик 2004; Касевич 2004: 77; Степин 2010 и др.].

Наивная и научная картины мира различаются по способу познания действительности: практическому, осуществляемому в процессе трудовой деятельности и повседневной жизни, или теоретическому – целенаправленному и осуществляемому с помощью специальных методов изучения действительности или отдельных ее объектов [Садыкова 2007: электрон. ресурс]. Научная картина мира – это «логизированный свод дискурсивных знаний о внешней действительности, человеке, обществе, который на данный момент утвердился в науке (науках)», наивная картина мира – это «реальные представления о мире и человеке, свойственные членам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития» [Касевич 2004: 77–78], которые складываются «как ответ на, главным образом, практические потребности человека – как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру», дающая «ответы на все вопросы, которые может задать член соответствующего общества» [там же: 79].

Безусловно, формирование научной и наивной картин мира происходит параллельно, более того, их противопоставление отнюдь не абсолютно, поскольку «по мере развития общества научная картина мира становится достоянием все большего числа его членов» [там же: 78]. Однако в качестве принципиально важного различия между ними подчеркивается их функциональная разница: интенсивность проникновения научной картины в наивную не меняет основной задачи последней, а именно – «служить своего рода базой данных и базой знаний, без которых невозможно принятие любых повседневных решений как текущего, так и долговременного характера» [там же: 78].

В то же время происходит и обратное влияние. Несмотря на то что современный человек склонен рассматривать научное знание как эталон «правильных представлений» [Урысон 1998], несмотря на абстрактность, общезначимость и претензию на объективность, наука не свободна от «ценностных, образных, личностных моментов, имеющих истоком жизнь общества, народа, личности...» [Гачев 1993], вследствие чего происходит влияние наивной картины мира, т.е. житейского сознания, на формулирование тех или иных научных понятий.

Концептуальную картину мира противопоставляют языковой картине мира. Концептуальная картина мира – это когнитивная структура, которая хранит информацию, полученную человеком извне [Кубрякова и др. 1997]. Концептуальная

² Сравни со структурой картины мира у И.А. Стернина и З.Д. Поповой: картина мира – это «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин 2007: 51].

картина мира фиксируется посредством разных семиотических систем: через язык и ментальные репрезентации иного типа (образы, схемы, картинки) [там же: 25]. «Язык ... участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубинных слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры» [Роль человеческого фактора в языке 1988: 11].

Составляющими картины мира, научной или обыденной, которые имеют языковое выражение, являются понятия и представления. При этом в лингвистике давно принято разграничивать научные и обыденные понятия, связывая их с понятиями разной глубины и с научным и бытовым знанием, т. е., по сути дела, с научной и бытовой картинами мира. Разведение научного и обыденного понятий основывается на предложенном А.А. Потебней разграничении «ближайшего» (собственно языкового) и «дальнейшего» (соответствующего данным науки) значения слова [Потебня 1958]. Вслед за ним разграничение разных типов значений проводили многие лингвисты (Л.В. Щерба, Д.П. Горский, Ю.Д. Апресян, И.А. Стернин, В.Б. Касевич, Н.Д. Голев и мн. др.).

Научные и/или специальные понятия и обыденные понятия противопоставлены по нескольким основаниям.

1. По способу отображения действительности: научное/специальное понятие является важной формой научного/специального мышления, а обыденное понятие связано с бытовым, обыденным мышлением [Касевич 1990 и др.].

2. По набору образующих признаков:

а) научное понятие образуют существенные признаки [Воробьева 2014 и др.], а обыденное понятие образуют антропоцентричные признаки, которые актуальны для носителя языка и которые могут быть несущественными с точки зрения противопоставления другим понятиям [Апресян 1974; Кошелев 2008 и др.];

б) в научных понятиях набор существенных признаков неизменен [Фило-софский словарь: электрон. ресурс], а в обыденном понятии набор признаков не является одинаковым и зависит от социопсихологических характеристик говорящего: «В бытовых понятиях отражаются не только наиболее существенные (научно значимые), но и малосущественные признаки предметов и явлений – признаки, существенные с точки зрения того или иного коллектива, социальной или профессиональной группы, территориального сообщества, всего народа и т. п.» [Мартинovich 2006: 167–168].

3. По способу выражения значений: содержание научного понятия определяется через дефиницию [Касевич 1990: 19], а смысл обыденного понятия определяется через слово обыденного языка и через его лексическое значение, т. е. имеет прямое языковое выражение. При этом лексическое значение не равно лексикографическому: это «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семан-

тических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных» [Попова, Стернин 2007: 66].

Итак, в научной картине мира единицами выступают научные/специальные понятия и между ними выстраиваются четкие логические отношения. В наивной картине мира нет места четкой логике и строго определенным понятиям. Ее основа – обыденные понятия, которые не всегда четко противопоставлены друг другу.

Взаимовлияние специальных и обыденных понятий

Поскольку наивные понятия ориентированы на человека и являются частью его картины мира, то в них отражаются все существенные для человека знания, в том числе и специальные. Рассматривая структуру лексического значения слова, И.А. Стернин выделяет несколько разрядов сем, среди которых, в частности, присутствуют системные, групповые и личностные семы: системные семы – это семы, общие для всех говорящих, отражающие важные для всех носителей языка признаки; групповые семы – это семы, которые включаются в состав понятия/лексического значения определенными группами людей; личностные семы – это семы, характерные для отдельных индивидов [Стернин 1985].

Наибольший интерес представляют в этом плане, с нашей точки зрения, групповые семы: именно они отражают опыт группы, и характерно, что И.А. Стернин прежде всего называет в качестве групповых семы научные и профессиональные [там же]. Входя в состав понятия, научные/специальные семы вносят в него элементы научной/специальной картины мира, поэтому понятия в сознании говорящих могут не строго различаться как наивные/бытовые vs научные/специальные – отношения между научным и обыденными понятиями могут быть более сложными: они могут совмещаться в рамках одной единицы, включая отдельные семы как обыденных, так и специальных понятий.

С нашей точки зрения, может происходить не только включение сем специальных понятий в обыденное понятие, но и обратный процесс – включение сем обыденных понятий в специальное понятие. Обычно это происходит в таких случаях, когда функционирование специального языка выходит за пределы его социальной базы, т.е. специальным языком по той или иной причине пользуются широкие слои населения. Именно так обстоит дело с юридическим языком: его функция – регулировать общественные отношения в разных сферах жизни, поэтому пользуются им не только собственно юристы, но все люди, которым приходится в разных ситуациях сталкиваться с юридическим оформлением каких-либо отношений: семейных, трудовых, гражданских и т. п. Практически все люди в течение своей жизни неоднократно сталкиваются с различными типами договоров, актов и других юридических документов, в которых используются юридические термины. В сознании носителей языка эти термины преобразуются: некоторые компоненты юридических понятий не принимаются во внимание, но вносятся другие компоненты – семы, характерные для обыденных понятий, соотносенных со специальными.

Процесс взаимодействия специальных и обыденных понятий, при котором признаки этих понятий перемешиваются в сознании носителей языка, мы предлагаем называть гибридизацией понятий, а результат этого процесса, т. е. понятие, совмещающее в себе компоненты специального и обыденного, – гибридным понятием.

Структура гибридных понятий, закрепленная за специальными юридическими терминами в сознании носителей языка с разными социальными характеристиками, и стала предметом исследования в данной работе.

Материал и методика исследования

Для исследования был проведен лингвистический эксперимент по наивному толкованию юридических терминов. Метод наивного толкования часто используется для выяснения структуры обыденных понятий [Балашова 2007; Высочина 2000; Доценко 1984; Обыденное метаязыковое сознание 2010; 2012 и мн. др.]. В качестве информантов выступили носители английского (32 чел.) и русского языков (32 чел.). Выборки информантов были сбалансированы по следующим социальным факторам: гендер, возраст (до 25 лет, старше 25 лет), образование (среднее, высшее) и специальность (юридическая, техническая, филологическая, гуманитарная).

Носителям английского и русского языков предлагалось определить значение выбранных нами терминов. Эксперимент проводился в виде анкетирования. В анкету были включены термины семейного, трудового и гражданского права, так как эти отрасли частного права являются наиболее распространенными и тесно связанными с жизнью людей, в связи с чем именно в этих отраслях права ожидается наибольшее влияние обыденного понятия на специальное.

Для английских информантов в качестве стимулов анкетирования был выбран 21 термин (по 7 из указанных отраслей права): термины семейного права – family ‘семья’, child ‘ребенок’, marriage ‘брак’, close relatives ‘близкие родственники’, divorce ‘развод’, acts of civil status ‘акты гражданского состояния’ и matrimonial property ‘совместная собственность супругов’; термины трудового права – forced labor ‘принудительный труд’, employee ‘работник’, employer ‘работодатель’, working overtime ‘сверхурочная работа’, wage ‘оклад’, employment contract ‘трудовой договор’, labor relations ‘трудовые отношения’; гражданское право Англии представлено терминами alienation of a share ‘отчуждение доли’, judicial procedure ‘судебный процесс’, state aid ‘государственная поддержка’, habitual residence ‘место проживания’, goods free of rights of third parties ‘товары, свободные от прав третьих лиц’, failure to perform duties the statutory period ‘невозможность исполнения обязательств в установленный законом срок’ и improper performance of the contract ‘неисполнение обязательств’.

Для русских информантов в качестве стимулов анкетирования были выбраны 33 термина, часть из которых соотносится с терминами, использованными при анкетировании англичан. Не полностью идентичные термины для анкетирования англичан и русских были выбраны сознательно: во-первых, они отражают специфику систем права каждой из стран, во-вторых, частотность терминов различна в разных странах. Семейное право в анкете на русском языке представлено терминами семья, ребенок, брак, близкие родственники, прекращение брака, прямая линия родства, боковая линия родства, степень родства, акты гражданского состояния, добросовестный супруг, совместная собственность супругов; трудовое право – терминами базовый оклад, принудительный труд, работник, работодатель, рабочее время, сверхурочная работа, сменная работа, тарифная ставка, трудовой договор, трудовые отношения, условия труда; гражданское право – терминами государственная регистрация, несостоятельность общества, отчуждение доли, судебный порядок, риск

случайной гибели имущества, товар, свободный от прав третьих лиц, неисполнение обязанности, установленный законом срок, недостаток товара, некомплектный товар, ненадлежащее исполнение договора.

Все термины, как английские, так и русские входят в число базовых для названных отраслей права и являются частотными в юридических документах; с явлениями, которые они обозначают, сталкиваются практически все люди; за словами, используемыми в этих терминах (как минимум за частью составного термина) закреплены не только специальные, но и бытовые понятия.

Всего в эксперименте было получено 1 792 реакции: 1 120 реакций русских респондентов и 672 реакции респондентов-англичан.

Полученный материал обрабатывался методом компонентного (семного) анализа. В полученных от респондентов толкованиях выделялись компоненты значения (семы), которые сопоставлялись с семами нормативных определений юридических терминов, что позволило разделить семы специальных понятий и семы бытовых понятий. Кроме того, производился количественный анализ сем как для всех реакций респондентов в совокупности, так и в зависимости от социальных параметров, заложенных в выборке информантов: гендера, возраста, образования и специальности.

Качественный и количественный анализ материала

Рассмотрим в качестве примера анализ толкований термина marriage 'брак' респондентами-англичанами (см. табл. №1). Правовое определение термина marriage – a legally accepted relationship between two people in which they live together 'юридически закрепленные отношения между двумя людьми, при которых они живут вместе'. Основными семами данного толкования являются «legally», «to accept», «relationship», «pair», «people», «to live», «together» (выделены в таблице серым фоном). Примеры толкований термина marriage носителями языка – a man and a woman living together; relationship between a man and a woman as they live together; two people that live together in a legally accepted relationship и т. п.

Таблица №1

Частота сем в толкованиях термина marriage в зависимости от социальных параметров информантов, %

СЕМЫ	Всего	Социальные факторы									
		Гендер		Возраст		Образование		Специальность			
		Мужчины	Женщины	До 25 лет	После 25 лет	Высшее	Среднее	Юридическая	Техническая	Филологическая	Гуманитарная
Relationship	68,8	56,3	81,3	75,0	62,5	56,3	81,3	75,0	62,5	62,5	75,0
Pair	56,3	87,5	37,5	56,3	68,8	68,8	56,3	62,5	62,5	62,5	62,5
Man	56,3	56,3	68,8	75,0	50,0	50,0	68,8	75,0	37,5	50,0	62,5

Woman	56,3	43,8	68,8	75,0	37,5	37,5	75,0	75,0	37,5	50,0	62,5
Husband	37,5	50,0	25,0	78,1	40,6	78,1	40,6	25,0	37,5	50,0	37,5
Wife	37,5	31,3	43,8	50,0	25,0	50,0	25,0	25,0	37,5	50,0	37,5
Legally	31,3	31,3	31,3	18,8	43,8	37,5	25,0	75,0	12,5	12,5	25,0
People	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	12,5	12,5	12,5
To live	21,9	25,0	18,8	25,0	18,8	18,8	25,0	12,5	25,0	25,0	25,0
Together	21,9	25,0	18,8	25,0	18,8	18,8	25,0	12,5	25,0	25,0	25,0
Accepted	18,8	18,8	18,8	18,8	18,8	18,8	18,8	50,0	0,0	12,5	12,5

Семы, которые повторялись не менее чем в 50% ответов респондентов, считались ядерными (выделены в таблице жирным шрифтом).

Как видно из таблицы № 1, в ядро понятия marriage, которое сформировано в сознании группы респондентов, попадают только 2 семы правового понятия: «relationship» (68,8%) и «pair» (56,3%), остальные 5 сем оказываются малосущественными для носителей языка: частота их использования в большинстве случаев не превышает 30%. Интересно, что сема «legally» актуальна только для 31,3% информантов, а сема «to accept» оказалась самой нечастотной (18,8%), т. е. в целом можно считать, что брак не воспринимается в современном английском обществе как в обязательном порядке юридически закрепленные отношения.

Кроме того, в ядро понятия marriage включаются очень важные для носителей языка семы «man» (56,3%) и «woman» (56,3%). Довольно частотными в толкованиях респондентов оказываются также семы «husband» и «wife» (по 37,5%). При этом семы «man/woman» и «husband/wife» в некоторых случаях одновременно присутствовали в толковании термина marriage, а в некоторых случаях выступали как синонимы; в целом они используются в 75% толкований. Следовательно, мы наблюдаем несовпадение между действующим юридическим определением термина marriage и тем понятием, которым пользуются респонденты.

Наблюдаются отличия в понимании данного термина в зависимости от социальных параметров информантов (см. табл. 1).

Ядра понятия marriage у мужчин и женщин значительно отличаются. Мужчины в своих толкованиях опираются на две семы правового понятия «relationship» и «pair», а также на семы бытового понятия «man» и «husband» (при этом семы «woman» и «wife» не вошли в ядро понятия у мужчин). Женщины же гораздо реже используют сему «pair» (она не попадает в ядро понятия у женщин), однако часто актуализируют семы «man» и «woman». Таким образом, мы видим, что у мужчин понятие marriage реализуется как гендерно ориентированное: из двух сторон, заключивших брак, они называют только одну, которая состоит в отношениях с абстрактной парой; женщины же подчеркивают, что брак – это отношения между мужчиной и женщиной.

Ядро толкования у респондентов младше 25 лет включает в себя шесть сем: две семы правового понятия – «relationship», «pair» и четыре семы бытового – «man», «woman», «husband», «wife». У респондентов старшей возрастной группы ядро содержит лишь две семы правового понятия («relationship», «pair») и одну сему бытового («man»). Из этого следует, что для респондентов старше 25 лет по-

нятие marriage близко понятию у мужчин, без дифференциации ролей в браке, в то время как респонденты до 25 лет видят важность этих отношений именно как отношений мужчины и женщины в социальных ролях мужа и жены.

У людей с высшим образованием, в отличие от респондентов со средним образованием, в ядре толкования содержатся семы «husband» и «wife» и не содержится, в свою очередь, сема «woman», а сема «man» менее актуальна, чем все предыдущие. Кроме того, хотя сема «relationship» входит в ядро понятий обеих групп, для людей без высшего образования она значительно актуальнее (81,3% против 56,3%). Лица со средним образованием указывают не на социальные роли находящихся в браке людей, а только на их половую принадлежность.

Юристы при толковании термина marriage продемонстрировали понятие, наиболее близкое юридическому: в ядре содержатся 6 сем, 4 из которых принадлежат правовому определению и две – бытовому понятию («man», «woman»). Только у респондентов-юристов в ядре понятия содержатся такие семы, как «legally» и «asserted», которые демонстрируют правовую природу понятия marriage. Специалисты технических специальностей достаточно часто упоминают всего лишь две семы юридического понятия («pair» и «relationship»). Филологи одинаково часто актуализируют семы «man/woman» и «husband/wife», в то время как иные гуманитарии делают упор только на семы «man» и «woman», а семы «husband» и «wife» у них не попадают в ядро понятия, т. е. для филологов более важным оказалось определение ролевого статуса участников брака.

Подобный анализ был проведен для толкований всех терминов, полученных от обеих групп респондентов.

В целом исследование понимания юридических терминов носителями разных языков, английского и русского, показало, что наблюдается разница в структурах понятий, которые формируются на базе юридических терминов в сознании у англичан и русских (см. табл. № 2).

Таблица №2

Соотношение общего числа сем и количества сем обыденных понятий в толкованиях терминов в зависимости от языка и отрасли права

Слово	Общее количество сем	Количество сем обыденных понятий		Количество сем в ядре	Количество сем обыденных понятий в ядре	
		Абс.	%		Абс.	%
Английский язык						
Семейное право	10,0	4,0	40,9	3,6	1,4	48,4
Трудовое право	10,1	3,9	39,2	4,4	1,9	40,5
Гражданское право	9,7	3,9	33,7	1,7	0,3	28,6
Русский язык						
Семейное право	21,5	15,4	69,0	1,2	0,5	27,3
Трудовое право	24,4	16,9	65,6	1,5	0,4	18,2
Гражданское право	26,8	18,5	68,4	0,4	0,2	18,2

Оказалось, что количество сем, которые используются русскими для описания понятия в 2–2,5 раза больше, чем количество сем, используемое англичанами. Однако в ядрах понятий наблюдается обратная картина: количество сем у англичан в ядре больше, чем у русских. Во всех отраслях права, кроме гражданского, англичане формируют достаточно детализированное ядро понятия, которое основывается на 3–4 семах. Для терминов гражданского права ядро оказывается основанным всего на 1–2 семах. У русских информантов в ядре понятия оказывается очень мало сем (одна или менее) вне зависимости от отрасли права, хотя у терминов гражданского права также, как и у англичан, количество сем в ядре минимально. При этом для большинства терминов гражданского права у русских информантов вообще не выделяется ядра понятия.

На рисунке № 1 показано, что форма распределения количества сем в ядрах понятий в зависимости от отраслей права примерно одинакова как для русского, так и для английского языков и их носителей, однако уровень кривой значительно ниже у носителей русского языка. Наиболее детализированные ядра понятий образуются у терминов трудового права, чуть меньшее количество признаков включают ядра понятий семейного права. Это закономерно, поскольку трудовые отношения обычно включают большее количество аспектов, чем семейные. Ядра понятий гражданского права у англичан основываются на минимальном количестве признаков (1–2 семы), т. е. реально в них включаются только область, к которой относится понятие, и/или предмет обозначения. У русских информантов ядра понятий гражданского права чаще всего не формируются в принципе: гражданское право оказывается той отраслью, о которой русские информанты имеют наименее четкие и в то же время в значительной степени индивидуальные представления.

На материале толкований юридических терминов респондентами-англичанами прослеживается тенденция более сильной гибридации понятий в отраслях права, связанных с обыденной жизнью: у англичан в понятиях семейного права наблюдается несколько более сильная гибридизация, чем в понятиях трудового права, а в понятиях трудового права – чуть более сильная, чем в понятиях гражданского (рис. № 2а). Эта тенденция усиливается и становится явной, когда мы рассматриваем только ядра понятий (рис. № 2б).

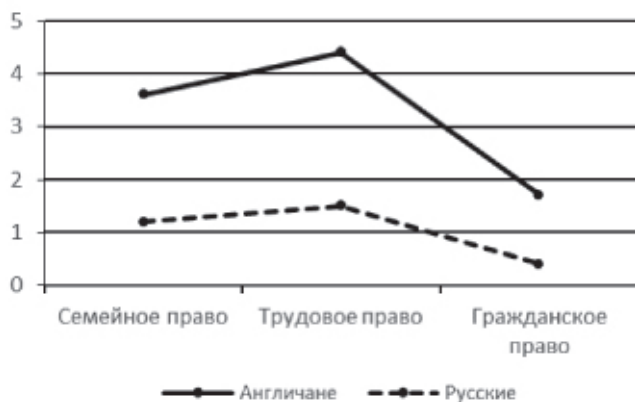
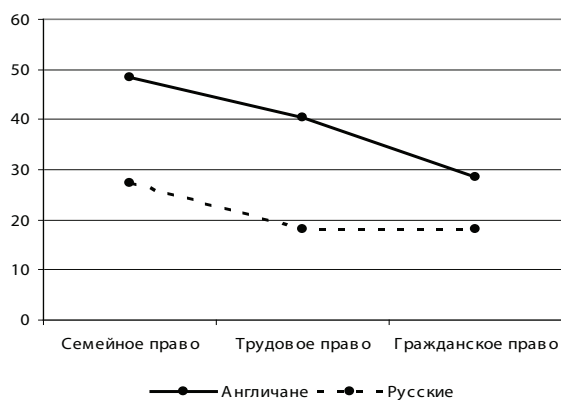
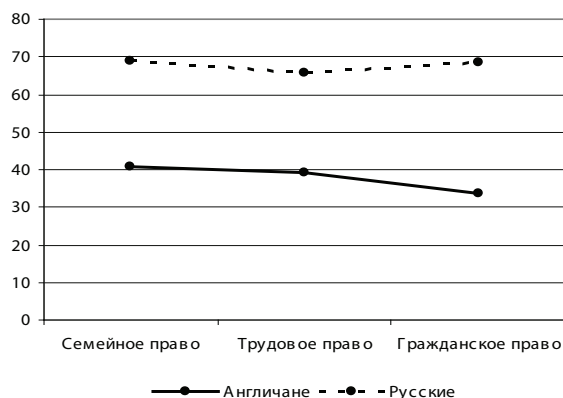

Рисунок № 1. Количество сем в ядрах понятий семейного, трудового и гражданского права

а б
Рисунок № 2. Процент сем обыденных понятий:
а – в общем количестве сем, б – в ядре

У русских гибридикация понятий значительно сильнее, чем у англичан: частотность сем обыденных понятий в толкованиях достигает 70%. Это можно объяснить историей российского права и тем, что многие юридические термины совпадают с общеупотребительными словами. При этом особой разницы в гибридикации понятий между отраслями права не наблюдается, хотя можно отметить несколько меньшую гибридикацию у понятий трудового права (рис № 2а). В ядре понятий, напротив, гибридикация значительно слабее у русских информантов (рис. № 2б). Это обусловлено тем, что у русских практически не выделяется обширного ядра понятий. При включении в ядро одной семы (а именно эта ситуация наиболее частотна для всех отраслей права), оно оказывается не гибридизированным, а либо специальным, либо обыденным. Тем не менее, чаще всего семы обыденных понятий включаются в ядро понятий семейного права, в то время как ядра понятий отраслей гражданского и трудового права в этом смысле не отличаются друг от друга.

Социальные факторы влияют на формирование структуры понятий, на включение в них специальных и обыденных сем, а также на объем и на состав ядра понятия. При этом социальные факторы действуют на каждое конкретное понятие по-разному, но в целом можно выделить общие тенденции, затрагивающие ту или иную отрасль права у англичан и русских.

Наиболее сильным фактором, оказывающим влияние на гибридикацию понятий во всех отраслях права и у англичан, и у русских оказывается «специальность». Это ожидаемый результат, поскольку материалом исследования являлись именно специальные понятия. Предполагалось, что наименьшей гибридикации будут подвергаться понятия у юристов как у специалистов в данной области, однако результаты исследования показали, что гибридикация у юристов (как у англичан, так и у русских) зачастую не меньше, а иногда и больше, чем у информантов других социальных групп (см. табл. № 3). Этот результат показывает, что специалисты так же, как и другие носители языка, подвержены влиянию обыденного сознания.

Вторым по значимости фактором оказался фактор «возраст»: у англичан он влияет на гибридикацию терминов во всех исследованных отраслях права, а у русских – в двух: семейном и гражданском.

Для русских важным фактором является фактор «гендер»: ядра понятий трудового и гражданского права у русских информантов-женщин гибридизированы значительно сильнее, чем ядра понятий этих же отраслей права у мужчин. У англичан данный фактор «работает» для понятий гражданского права: в этом случае также оказывается, что ядра понятий женщин гибридизированы сильнее.

Фактор «образование» оказывает влияние на гибридикацию понятий реже всех остальных: в области трудового права у англичан и в области гражданского права у русских.

Выводы

Введение термина «гибридное понятие» позволяет углубить представления о взаимодействии структур знания и картин мира в сознании человека. Структура понятий в сознании человека зависит от множества факторов и включает в себя как компоненты специальных понятий, так и компоненты понятий обыденных.

Гибридные понятия, сформированные на базе юридических терминов у носителей языка, зависят от истории и особенностей специального языка, т. е. от

Таблица №3

Соотношение общего числа сем и количества обыденных сем в ядре понятий терминов в зависимости от языка, отрасли права и социальных параметров информантов, %

Отрасль права	Социальные факторы									
	Гендер		Возраст		Образование		Специальность			
	Мужчины	Женщины	До 25 лет	После 25 лет	Высшее	Среднее	Юридическая	Техническая	Филологическая	Гуманитарная
Английский язык										
Семейное право	69,0	66,5	63,6	55,2	58,4	62,9	42,0	35,7	50,6	40,6
Трудовое право	13,1	11,9	14,8	10,5	12,9	26,2	9,5	14,3	17,3	12,9
Гражданское право	0,0	10,7	0,0	10,7	3,6	0,0	15,5	0,0	3,6	7,1
Русский язык										
Семейное право	18,2	15,9	13,6	20,5	15,2	18,2	17,4	9,1	31,1	33,3
Трудовое право	18,2	31,8	18,2	18,2	27,3	25,8	31,8	12,1	21,2	37,1
Гражданское право	25,0	42,9	42,9	25,0	11,1	57,1	41,7	80,0	75,0	22,2

широкого культурного контекста функционирования специального языка в рамках национального. Особенности правовых систем и юридических языков в Англии и в России влияют на понимание носителями языка сопоставимых юридических терминов.

Помимо общенациональных аспектов на формирование гибридных понятий оказывают влияние и социальные факторы, такие как специальность, гендер, возраст и образование, при этом ключевым фактором выступает в данном случае специальность. Исследование показало, что у юристов, как и у других носителей языка, формируются гибридные, а не собственно специальные понятия. Этот факт доказывает единство специальной и обыденной картин мира вне зависимости от отношения человека к специальной области. Сильнее всего гибридизация понятия проявляется у филологов, независимо от языка общения. Как в Англии, так и в России, в структуру понятий, полученных от филологов, входит наибольшее количество сем из обыденных понятий, которые тесно переплетаются с семами правового определения юридического термина. Схожая ситуация наблюдается и у представителей иных гуманитарных специальностей. Иной процесс гибридизации наблюдается у технических специалистов: их понятия содержат наименьшее количество сем как обыденного, так и правового понятия; они используют емкие понятия, описывающие суть юридического термина при помощи общеупотребительной лексики, и не вдаются в детали, даже существенные.

В исследовании была установлена взаимосвязь между близостью отрасли права к повседневной жизни человека и степенью гибридизации понятий: чем ближе отрасль права к повседневной жизни, чем чаще сталкиваются с этой сферой люди, тем выше степень гибридизации понятий терминов, обслуживающих эту сферу права. Степень гибридизации понятий в семейном праве наиболее высока, тогда как в гражданском праве она сравнительно низка и характеризуется другими закономерностями. Трудовое право, в свою очередь, представляет собой промежуточный уровень в гибридизации юридических понятий.

В целом можно утверждать, что в сознании людей происходит гибридизация понятий специального юридического языка, которая заключается в смешивании специальных и наивных понятий, фиксируемых терминами и словами обыденного языка. Данный процесс обусловлен рядом причин – от истории развития общества, до конкретных социальных факторов, влияющих на отдельно взятого индивида. Специальность, пол, возраст, образование – лишь малая часть таких социальных факторов, однако именно они оказывают наиболее явное влияние на понимание и толкование специальных терминов юридического языка в Англии и России.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974. 367 с.

Балашова Е.А. Наивная картина мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (опыт исследования четырех фрагментов) / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 178 с.

Воробьева М.Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 24 с.

Высочина О.В. Иностранное слово в языковом сознании носителей русского языка // Языковое сознание: содержание и функционирование: тез. докл. XIII Междунар. симпози. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000. С. 115–157.

Доценко Т.И. Осознание и объяснение синтаксических дериватов в речевой деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 16 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания. М.: Наука, 1990. С. 8–25.

Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык: 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 282 с.

Кошелев А.Д. О языке психолингвистики // Разумное поведение и язык. М.: Языки славянских культур, 2008. Вып 1.: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. С. 21–40.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: ИЯ РАН, 1993. С. 16–21.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Мартинович Г.А. Бытовое понятие и его роль в развитии системы значений многозначного слова // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Междунар. Лихачевские чтения. СПб., 2006. С. 167–169.

Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты: коллект. монография / отв. ред. Н.Д. Голев; Кемеровск. гос. ун-т. Кемерово, 2010. Ч. 3. 459 с.

Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллект. монография / отв. ред. Н.Д. Голев; Кемеровск. гос. ун-т. Кемерово, 2012. Ч. 4. 481 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебrenников. М.: Наука, 1988. 216 с.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещ. СССР, 1958. 536 с.

Садыкова М.А. Сопоставление понятий «картина мира» и «модель мира»: архетип – миф – религия – наука // Современные проблемы науки и образования. 2007. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/15-397> (дата обращения: 11.01.2016).

Степин В.С. Научная картина мира // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 32–34.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 172 с.

Урысон Е.В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.

HYBRIDIZATION OF SPECIAL AND COMMON CONCEPTS (BASED ON LEGAL TERMS COMPREHENSION)

Elena V. Erofeeva

head of theoretical and applied linguistics,
Perm state national research university,
ul. Bukireva 15, Perm, 614090, Russia
e-mail: elenerofee@gmail.com

Timur S. Nizgulov

Claims Consultant,
administration of Perm City, Department of Property Relations
ul. Sibirskaya, 14, Perm, 614000, Russia
e-mail: tnizgulov@mail.ru

The paper deals with blending components of special and common concepts in native speakers' consciousness. The issue is studied by means of psycholinguistic experiment.

The material is naïve interpretation of Russian and English legal terms by Russian and English native speakers as dependent on the social parameters “gender”, “education”, “speciality”. Qualitative and quantitative componential analysis of naïve interpretations demonstrates that semantic components of special and common concepts are blended in native speakers’ conscience. This process is called concepts hybridization, while its results are considered as hybrid concepts. The paper shows that the structure of a hybrid concept depends on social parameters of informants; the most important of which is the “speciality” parameter.

Keywords: legal language, special concepts, common concepts, concept hybridization, a hybrid concept, semes, structure.

References

Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskije sredstva yazyka) [Lexical Semantics (synonymous means of language)]. Moscow: Nauka, 1974. 367 p.

Balashova E.A. Naivnaya kartina mira russkikh i slovencev po dannym obydennykh tolkovaniy slov (opyt issledovaniya chetyreh fragmentov) [The naive world view of Russians and Slovenes according to naive explanation of the word (first effort of researching four fragments)]. Perm, 2007. 178 p.

Vorobjeva M.E. Interpretacionnoje funkcionirovanije yuridicheskogo yazyka v obydennom soznanii (na materiale tolkovaniy yuridicheskikh terminov ryadovymi nositelyami russkogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Legal language interpretive functioning in everyday consciousness (based on the interpretation of legal terms by ordinary Russian speakers: abstract of PhD thesis)]. Kemerovo, 2014. 24 p.

Vysochina O.V. Inostrannoje slovo v yazykovom soznanii nositelej russkogo yazyka [Foreign words in language consciousness of native Russian speakers] // Yazykovoje soznaniye: sodержaniye i funkcionirovanije: tez. dokl. XIII Mezhdunar. simpoz. po psikholingvistike i teorii kommunikacii [Language consciousness: content and functioning: abstracts of XIII International symposium on psycholinguistics and theory of communication]. Moscow, 2000, pp. 115–157.

Docenko T.I. Osoznaniye i obyasneniye sintaksicheskikh derivatov v rechevoj deyatel’nosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Understanding and definition of syntactic derivatives: abstract of PhD thesis]. Leningrad, 1984. 16 p.

Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost’, koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis, 2004. 390 p.

Kasevich V.B. Yazyk i znaniye [Language and knowledge] // Yazyk i struktura znaniya [Language and knowledge structure]. Moscow: Nauka, 1990, pp. 8–25.

Kasevich V.B. Buddizm. Kartina mira. Yazyk [Buddhism. World view. Language.]. St. Petersburg, 2004. 282 p.

Koshelev A.D. O yazyke psikholingvistiki [On the language of psycholinguistics] // Razumnoe povedenie i yazyk [Language and reasoning]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur, 2008, V. 1.: Kommunikativnyje sistemy zhivotnykh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya yazyka [Animal Communication and Human Language. Language origins], pp. 21–40.

Kubryakova E.S. et al. Kratkij slovar’ kognitivnykh terminov [A short dictionary of cognitive terms] / E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Yu.G. Pankrac, L.G. Luzina. Moscow, 1997. 245 p.

Leontjev A.A. Yazykovoje soznanije i obraz mira [Language consciousness and the world image] // Yazyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost' [Language and consciousness: paradoxical rationality]. Moscow, 1993, pp. 16–21.

Leontjev A.A. Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Smysl, 1997. 287 p.

Martinovich G.A. Bytovoje ponyatiye i jego rol' v razvitii sistemy znachenij mnogoznachnogo slova [Everyday concept and its role in the development of a polysemantic word meanings system] // Gumanitarnyje problemy sovremennoj civilizacii: VI Mezhdunar. Likhachevskije chteniya [The humanitarian problems of modern civilization: VI International Likhachev Readings]. St. Petersburg, 2006, pp. 167–169.

Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskij i gnoseologicheskij aspekty [Everyday metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects] / ed. by N.D. Golev. Kemerovo, 2010. V. 3. 459 p.

Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskije i gnoseologicheskije aspekty [Everyday metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects] / ed. By N.D. Golev. Kemerovo, 2012. V. 4. 481 p.

Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok – Zapad, 2007. 314 p.

Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira [The role of the human factor in language: Language and the world view] / ed. by B.A. Serebrennikov. Moscow: Nauka, 1988. 216 p.

Potebnaya A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike [From papers on Russian grammar]. Moscow: Gos. ucheb.-ped. izd-vo Ministerstva prosveshh. SSSR, 1958. 536 p.

Sadykova M.A. Sopostavlenije ponyatij «kartina mira» i «model' mira»: arkhetyp – mif – religiya – nauka [Comparison of concepts “world view” and “world model”: archetype – myth – religion – science] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education], 2007, № 3. [Electronic resource]. URL: <http://www.science-education.ru/15-397> (data obrashheniya: 11.01.2016).

Stepin V.S. Nauchnaya kartina mira [Scientific world view] // Novaya filosofskaya enciklopediya [New Encyclopedia of Philosophy]. Moscow: Mysl', 2010, v 3, pp. 32–34.

Sternin I.A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi [Lexical meaning in speech]. Voronezh: Voronezh University pub., 1985. 172 p.

Uryson E.V. Yazykovaya kartina mira vs obixodnye predstavleniya (model' vospriyatiya v russkom yazyke) [Linguistic world view vs the everyday representations (perceptual and understanding model in Russian)] // Voprosy yazykoznanija [Issues of linguistics], 1998, № 2, pp. 3–21.